

Пронизывающий до костей холодный ветер с шумом проносился сквозь голые стволы деревьев, крупные хлопья снега кружились в воздухе и падали на землю, ложась поверх уже намешихся сугробов. Вокруг простирались бескрайние, унылые просторы, где безмолвно жались друг к другу низкие надгробные плиты.

И в этой мертвой тишине вдруг раздался сдавленный кашель.

Последовав за звуком, можно было заметить среди белоснежных сугробов одно надгробие, тщательно очищенное от снега.

Перед плитой аккуратно стояли три букета свежих хризантем.

Жань Чжуцзюнь, стоявшая у цветов, отвела взгляд, сняла с себя меховое пальто и набросила на плечи стоявшему рядом человеку:

— Пинву, тебе следовало надеть побольше вещей, выходя на улицу.

На ней было ярко-красное меховое пальто, на фоне которого лицо человека казалось еще более бледным.

Ся Пинву снова не удержалась и пару раз кашлянула. Из-за резких движений в уголках ее глаз выступили слезы, придавая ей хрупкий, готовый в любой момент оборваться вид.

Видя это, Жань Чжуцзюнь лишь вздохнула и поплотнее запахнула меховое пальто:

— Знай Мин Чуньшань, что я тайком вывела тебя сюда, она ведь меня приберет.

— Все в порядке, — Ся Пинву слегка перевела дыхание, наконец справившись с кашлем. Она скосила взгляд на безымянную могильную плиту и мягко покачала головой: — Сегодня годовщина смерти Наставницы, Чуньшань не станет сердиться.

Жань Чжуцзюнь выглядела скептически и фыркнула:

— При ее-то характере... сторонний наблюдатель решил бы, что это ты — родная дочь Наставницы.

— Чуньшань в столь юном возрасте пришлось занять пост капитана боевого отряда Объединенного управления сверхспособностей, у нее просто нет времени лично приходить на могилу матери, это нормально.

Из-за слабого здоровья Ся Пинву говорила медленно и спокойно. Ее ровный голос, несмотря на

объяснение, не несла в себе никакой спешки, а лишь приносила странное успокоение.

Жань Чжуцзюнь беспомощно вздохнула. Она знала, что раз уж эта женщина вот уже семь лет состояла в браке с Мин Чуньшань, то, разумеется, во всем оправдывала свою супругу. Спорить она не стала, а просто сменила тему:

— Она действительно в последнее время очень занята, но не переживай, она скоро за тобой придет.

Ся Пинву ничего не ответила, лишь протянула руку, поправляя мех на груди, и перевела взгляд на Жань Чжуцзюнь, молчаливо спрашивая о подробностях.

Посмотрев в эти чистые, прозрачные глаза, Жань Чжуцзюнь тут же растеряла все желание хранить интригу.

С самых первых дней их знакомства Ся Пинву оставалась неизменной: что бы ни происходило вокруг, она всегда сохраняла невозмутимый вид, словно застывшая гладь колодца.

Даже когда речь заходила о Мин Чуньшань, она просто произносила чуть больше слов, но редко проявляла хоть какие-то эмоции.

А после той грандиозной битвы семь лет назад Ся Пинву стала говорить еще реже.

Вспомнив события семилетней давности, Жань Чжуцзюнь на мгновение замерла, а затем вспомнила, зачем вообще заговорила об этом:

— Хотя я и работаю в Отряде Зачистки, но до меня дошли слухи: боевой отряд недавно обнаружил следы активности нового дикого зверя.

Отбросив желание интриговать, Жань Чжуцзюнь заговорила быстрее:

— Говорят, эти следы точь-в-точь такие же, как от того дикого зверя, который погубил твою Наставницу.

На этот раз даже взгляд Ся Пинву слегка дрогнул.

В прошлом столетии Голубую Планету внезапно поразила мощная радиация, и бесчисленные живые существа подверглись мутации, превратившись в бездумных монстров, жаждущих лишь убийств. Повсюду царил кошмар: истребление сородичей и горы трупов.

В ответ на это правительства различных стран незамедлительно создали Объединенное

управление сверхспособностей, пытаясь спасти погибающую Голубую Планету.

Однако никакие передовые современные вооружения не могли нанести диким зверям смертельный урон.

Когда всем уже казалось, что Голубая Планета неизбежно катится к гибели —

Именно тогда забрезчила надежда.

Выяснилось, что под воздействием радиации, помимо появления диких зверей, часть людей не только сохранила рассудок, но и пробудила сверхспособности, способные убивать этих монстров.

Ее Наставница, мать Мин Чуньшань, оказалась самой выдающейся среди них.

Совершенно естественным образом она стала первым капитаном боевого отряда при управлении.

Хаос, устроенный дикими зверями, временно утих, и когда все уже решили, что наступило затишье, некоторые звери внезапно начали дальнейшую мутацию, застигнув Мастеров Сверхспособностей врасплох и перебив их подчистую.

Трагически погибла и Наставница Ся Пинву.

Человек ушел из жизни, оставив после себя бесчисленные вопросы —

Мы так и не смогли до конца понять, почему тогда дикие звери внезапно мутировали вновь. Но эта новая находка вполне может помочь разгадать данную загадку.

Жань Чжуцзюнь поправила меховое пальто Ся Пинву, сунула руки в карманы и продолжила:

— Управление придает этому вопросу огромное значение, а из всех очевидцев той финальной войны в живых осталась только ты. Если Мин Чуньшань хочет во всем разобраться, ей непременно придется прийти за твоим советом.

Перед тем решающим сражением управление заранее стремилось взрастить как можно больше молодых Мастеров Сверхспособностей.

Они с Мин Чуньшань были самыми яркими талантами того выпуска, двумя сияющими клинками, олицетворявшими будущее управления.

К сожалению, они не успели вырасти и занять самостоятельное положение: Наставница пала, а сама Ся Пинву с тех пор оказалась прикована к постели и больше не могла удерживать в руках никакого оружия.

В той битве лишь Мин Чуньшань, отвечавшая за прикрытие эвакуации мирных жителей, чудом спаслась и вышла живой.

Будучи дочерью погибшего капитана и единственным выжившим гением, она приняла бразды правления в критический момент, став новым капитаном боевого отряда.

Теперь же, если предстояло заново расследовать это дело, Ся Пинву, которая в качестве стажера сражалась бок о бок с Наставницей, неизбежно должна была стать первой, к кому обратятся за показаниями.

Произнеся это, Жань Чжуцзюнь невольно воодушевилась:

— Пинву, разве ты не мечтала вернуться в управление? Пусть даже не участвовать в боях, но побыть боевым консультантом — это ведь тоже неплохо.

Ся Пинву ничего не ответила, лишь молча посмотрела на нее, а затем развернулась и направилась к выходу с кладбища.

Жань Чжуцзюнь последовала за ней, ни капли не смутившись ее молчания, и даже по привычке нашла для нее оправдание:

— И почему Мин Чуньшань так сильно тебя опекает? Даже если у тебя слабое здоровье, это же не значит, что нужно безвылазно сидеть дома...

Ее голос резко оборвался.

Хотя до ворот кладбища оставалось еще некоторое расстояние, они уже отчетливо видели припаркованную там ярко-красную машину.

Этот сочный красный цвет был точь-в-точь как у мехового пальто Ся Пинву — автомобиль принадлежал лично Жань Чжуцзюнь. Рядом с этой красной машиной стоял другой автомобиль — угольно-черный, до боли знакомый.

Тоже до боли знакомый.

Машина Мин Чуньшань, о которой они только что всю дорогу говорили.

Жань Чжуцзюнь машинально подумала: И чего это эта девчонка снова примчалась вслед за нами?

В тот же момент силуэт у борта черного автомобиля шевельнулся: Мин Чуньшань, опиравшаяся на дверцу машины, заметив их, быстрыми шагами направилась навстречу.

Прибывший обладал стройной фигурой, уголки глаз были слегка приподняты, а пара персиковых глаз в окружении снега казалась еще более чарующей и манящей. При ходьбе под обтягивающей тканью угадывались красивые линии мышц.

Но сейчас все это не имело никакого значения.

Жань Чжуцзюнь отчетливо видела, как в ту секунду, когда гостя заметила Ся Пинву, ее обычное бесстрастное выражение лица озарила широкая улыбка.

Мин Чуньшань почти подбежала к ним и, повысив голос, окликнула:

— Старшая сестрица!

Ся Пинву была немного старше Мин Чуньшань, и поскольку обеих воспитывал прежний капитан, такое обращение закрепилось и дошло до сегодняшнего дня.

Если подумать, раз уж Мин Чуньшань явилась сюда, не придется ли им теперь разворачиваться и снова идти к могиле совершать помин?

Жань Чжуцзюнь только об этом подумала, как боковым зрением заметила, что приближающаяся Мин Чуньшань внезапно остановилась.

Она с некоторым недоумением подняла глаза и как раз вовремя увидела, как улыбка на лице Мин Чуньшань слегка померкла, пока та изучающе осматривала красное меховое пальто на плечах Ся Пинву.

Рассеянные мысли мгновенно вернулись в реальность, и Жань Чжуцзюнь обняла Ся Пинву за плечи:

— Это пальто мое, что, и меня ревновать вздумала?

— Никого я не ревную, — Мин Чуньшань продолжила идти, бросив фразу жестким тоном.

Подойдя ближе, она ловко развязала узел ярко-красного пальто и, даже не глядя, прямо швырнула его в лицо Жань Чжуцзюнь.

В следующее мгновение, словно по фокусу, она извлекла из-за пазухи другое пальто — ослепительно-белое, — с головой укутала в него Ся Пинву, а затем протиснулась вперед, бесцеремонно вклинившись между ними двумя, после чего произнесла:

— Сестрица, я заметила дома, что ты забыла пальто, и специально привезла его тебе.

В отличие от недавнего сухого тона, которым она отвечала Жань Чжуцзюнь, голос Мин Чуньшань был слащаво-мягким, отчего Жань Чжуцзюнь, хоть и слышала это уже много раз, невольно сделала шаг назад.

Жань Чжуцзюнь беспомощно взмахнула рукой, решила оставить их вдвоем и быстрым шагом направилась к своей машине:

— Ладно, раз уж человека доставили, поезжайте домой не спеша, а я пойду первой.

Ярко-красный автомобиль сорвался с места, словно стремясь побыстрее избавиться от общества парочки. Только после этого Мин Чуньшань опустила голову, заключая Ся Пинву в кольцо своих рук, и продолжила:

— На улице такая холодина, мою матушку вовсе не обязательно навещать в любую погоду.

Ся Пинву, молчавшая до этого, покачала головой, и ее тон прозвучал твердо:

— Управление, стремясь стереть воспоминания о тех событиях, не только похоронило всех на этом общем кладбище, но и запретило выбивать имена на плитах. Если я не приду, сюда больше никто не заглянет.

Она подняла голову, и ее красивые, лишенные эмоций глаза на этот раз слегка заблестели:

— Чуньшань, неужели ты и в этом году не пойдешь навестить ее?

Мин Чуньшань замерла, пальцы, сжимающие белое меховое пальто, невольно напряглись. Притворившись беспечной, она произнесла:

— Ты ведь наверняка преподнесла цветы за нас обеих.

Ся Пинву ничего не ответила, что означало молчаливое согласие.

Тогда Мин Чуньшань слабо улыбнулась, открыла дверцу машины и привычно усадила Ся Пинву на пассажирское сиденье. Обойдя автомобиль со стороны водителя, она непринужденно заговорила в ответ:

— Сама знаешь, она никогда не жаловала меня как дочь, и если у ее могилы не появится мое лицо, она, пожалуй, только обрадуется.

Ся Пинву слегка растерялась, а затем увидела, как устроившаяся на водительском месте Мин Чуньшань повернулась к ней и принялась бережно застегивать ремень безопасности, аккуратно следя за тем, чтобы не прищемить ее длинные вьющиеся пряди.

Из-за этого движения Мин Чуньшань оказалась совсем близко, их дыхания смешались. В этот момент она резко подняла глаза, в упор глядя на сияющие глаза Ся Пинву:

— К тому же, раз я так хорошо забочусь о ее любимой ученице, это тоже можно считать проявлением сыновней почтительности.

<http://bllate.org/book/20886/2111644>